

Встать, суд идёт!
Поселок, в котором жил Николай, нуждался в правоохранительном законе и исполняющем его органе, что и делалось в большинстве населенных пунктов нашей страны Советов. Вот Николая и избрали профсоюзным собранием предприятия председателем товарищеского суда с полным его составом, обеспечили соответствующими бумагами. Николай работал на производстве, имел семью, хозяйство. Личный досуг был непрочь использовать, как и все. В тот вечер у работающего магазина слонялись подвыпившие

Экран 2 из 10
2
мужички. Николай тоже стоял навеселе. Чего стоял, и сам не знал. Люди стоят, ну и он с ними. Как никак, имел же он право на отдых. А в голове от хорошего настроения, после бутылочки «столичной» играла музыка, хоть танцуй. И в это самое время слышит слащавый голос своей тещи: - Зятек, а зятек, ты был после работы дома? И так умиленно она выговаривала каждое слово, подчеркивая его значимость, так изучающее смотрела ему в глаза, наверное, думала: непременно зятек соврет. Но зятек искренне ответил: - Нет мама, не был. И

Экран 3 из 10
3
тещу словно бес подменил: - Ах, ты такой-сякой! Маруся мучается с ребятишками и хозяйством, а он тут, «судебный председатель, сыщик бутылочный», околачивается! Николай сконфуженный, подавляя в себе прекрасную музыку «столичной», поковылял к своей Марусе. Ну а в поселке, как всегда и как везде, шла повседневная жизнь: дела не праздные, суэта и да же суды-пересуды... И вот в силу необходимости на стенах магазина и конторы повесили объявление: сего числа, в такой то час в сельском клубе состоится товарищеский суд. И час

Экран 4 из 10
4
пришел. На сцене, за столом, покрытом кумачовой скатертью, восседал полный состав товарищеского суда. Сельчане замерли в ожидании начала.
Председатель: - Товарищеский суд считаем открытым. На повестке дня один вопрос согласно поданному заявлению: «Прошу привлечь к ответственности Марфу Степановну Симакову, так как она, змея паскудная, таскается с моим дедом, моим мужем, то есть с Павлухиным Павлом Тимофеевичем. И подпись:» Мария Павлухина». - Итак, - продолжает председатель, - прошу подсудимых занять места на первой скамейке. -

Что Вы скажете по поводу заявления?—обращается председатель суда к подсудимому Павлухину, то есть к своему тестю.—Я отрицаю обвинение, все это брехня! Бабка всем голову морочит. Повздорили дома по пустякам, и понесла невесть что.— А вы Марфа Степановна Симакова, что скажете, согласно обвинению?—Я тоже отрицаю. Худого ничего не было. Проходила мимо, поговорила с человеком. Неужели воспрещается?—Тогда будем слушать свидетелей по вашему делу. А дело было так. Маруся, жена Николая, то есть председателя суда, дочь

обвиняемого Павлухина, шла вечером домой с деревенскими женщинами и видела, как Марфа Симакова, заметив людей по дороге, шмыгнула из балагана ее батьки и исчезла в кустах под громкое осуждение людей. Свидетельские показания продолжались. Бабка подсудимого ликовала и устрашала в душе своего деда и его любовницу и товарищеским и божественным судом.—Я вам еще не такие факты сообщу—и положила на стол судебных заседателей развернутую газету с пучком волос.—Вот как было,—поясняет бабка,—вернулась я с киносеанса такого—то числа, во столько—то

вечера, а они вместе... И тут же от неудержимой обиды замахивается кулаком то на деда своего, то на его любовницу. Дед моргая и защищаясь рукою от бабкиного удара, ворчит раздраженно:—Колька, судья хреновастый, придержи свою тещу, а то расшибу вас обоих! Бабку уговорили всем «судилищем» соблюдать норму соответствующего поведения.— Ну, вот_ продолжала бабка,—я и схватила ее за волосы, а она шустряя оказалась, вырваласи и—в сени, оставив жменьку волос в моей руке. Можете проверить, у нее плешина светится. свидетельские

показания закончились. После совещания судебное заседание продолжалось.—Товарищи,—говорит судья,—взвесив показания свидетелей, суд постановил: подсудимых считать виновными в незаконном любодейнии и привлечь их к ответственности: Марфа Степановна Симакова, допустившая аморальный поступок, но имеющая троих детей на своем иждивении и хорошую производственную характеристику, подвергается взысканию в виде строгого предупреждения. Павла Тимофеевича Павлухина оштрафовать на десять

своем иждевении и хорошую производственную характеристику, подвергается взысканию в виде строгого предупреждения.

Павла Тимофеевича Павлухина оштрафовать на десять рублей, квитанцию об уплате штрафа предоставить в товарищеский суд в течении трех дней.

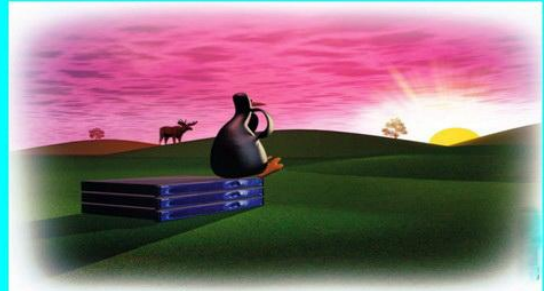
И тут-то пошло все наперекосяк. Судья сидел перед перекрестным огнем тестя и тещи.

-Коленька, сынок, ну пошто так нечестно? Ей, лохудре, предупреждение, а деду, получающему 25 рублей пенсии, десять рублей штрафа.

А ведь она же основная виновница. И схватившись за голову, теща закричала во весь голос, как по покойнику.

Дед громовым голосом молвил:
-Л-Ладно, з-зятек, я обязательно возьму тебя на «мушку», - и вышел из клуба, хлопнув дверью.

Бирюсинская новь-31 декабря 2004 года.

Бронислав Колесов. Экран 1 из 6

1 2

Дегустаторы.

У нашего участкового милиционера была очень умная кобыла. Бывало, скажет ей, перекрестившись: «А ну, милая, с Богом!». И она не ошибается. Даже неуправляемая вожжами, спящего и вздрог пьяного доставит в нужное место. Если побывала у того или иного дома два раза - привезет и в третий. Обычно он ездил с депутатом сельского Совета, глубоко интересующимся всеми вопросами жизни. Ну ничего не ускользало от его глаз. При настроении выйдет на улицу, посмотрит на деревню и вычислит по известным ему приметам спиртное. Но начало

этого дня было для них особое. Деревня, словно сговорившись, тянула на «великий пост». Даже они расстроились. Но депутат после некоторого раздумья, посмотрев на небо, взял вожжи и махнул: «Поехали». Остановились у домика на краю деревни. На скрипнувшую калитку из окна выглянул дед: «Милиция?! А в чем дело? Исходя из вежливости, пригласил в дом, с любопытством глядя на гостей. А депутат прямо с ходу «хватает быка за рога»: «Дед Архип, ты самогон гонишь? - хозяйственным тоном поинтересовался депутат. - Знаешь, что это законом запрещено? - Ну было

маленько, чего греха таить, да все сплыло. Позавчера бабку помянули, и все выпили. Милиционер для деловой серьезности сел за стол, открыл кожаную сумку, извлек из нее бумаги, чтобы незаконное дело оформить протоколом. - Значит, ничего нет? - Ничего нет, отвечает дед. Депутат пошел шарить за печью. Вскоре извлек оттуда флягу и с радостью провозгласил: - А это что? Пытается дед объяснить суть да дело. Но власть нескрывается, завеселилась, не дала даже деду оправдаться: - Ладно, потом расскажешь. Дед в обиде на них махнул рукой и вышел из дому. - Пробуй, Михай - говорит

милиционер. И тот зачепнул полковника, выпил. - Ничего не понял. И еще выпил полковника, а чмокнув губами, молвил: - Наверно не выходилась? Иди сам дегустируй. Зачерпнул ковшик и милиционер с похмелья трясущимися руками, плеснув малость на пол, и только потом поднес к губам, покая о ковшик губами, и стал пить большими жадными глотками. И тоже проливал, на пол лилась жижа через длинные его усы. Даже депутат не вытерпел: - Ты чо на пол-то льешь?! На это добро Богу надо молиться и под образами его беречь и выдерживать, а вы... Один на пол льет, другой за

печкой на тараканах настаивает! Ну, народец. Наконец, милиционер, опустошил ковшик, пожевал губами, в раздумье поднял в потолок очи, выжидая хмельной усвояемости. Потом помешал брагу ковшем и еще глотнул несколько глотков и резюмировал: - Что-то уже есть, но рановато. Дня через три процедим. И тут вошел дед. Увидев открытую флягу и мужиков, стоявших возле нее с ковшем в руках, чуть не сомтел. Он только и смог сказать, что они сошли с ума, что такую водичку не следует пить. Ею сорок дней назад обмывали грешное тело его бабки

усопшей и что водица, по традиции, должна стоять в доме от девяти до сорока дней. И еще что-то хотел сказать, да только мужиков как ветром сдуло. Они бросили ковш и со стоном и открытыми ртами выскочили на крыльцо, пихали пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту. Громко рычали и трубили, словно в охотничий рог. А потом как по ипподрому мчались по деревне. Милиционер никогда так крепко не держал вожжи в руках и не ездил так быстро, и все ругал на чем свет стоит депутата, упрекая его в непрофессионализме.

Бирюсинская новь - 17 июня 2005 года

Заживо погребенный.

1 2

Сахил, с друзьями, хорошо накушавшись, брел к дому. Голова от хмеля кружилась, его мутило, покачивало по сторонам, но он еще даже умудрялся что-то мурлыкать себе под нос.

-А ну ее, эту жизнь-жестянку, -махнул он рукой и достал кiset.

Стояла глубокая ночь. Всплывший молодой месяц с одним рожек выглядел запятой, будто ее поставил художник, рисуя ночную вселенную золотыми красками на темном небесном своде.

Деревня спала. Улицы были пустыньны. Сахил крутил в руках кiset с самосадом пытаясь закрутить «козью ножку». Пальцы плохо слушались, не гнулись, табак сыпался мимо, но Сахил старательно стремился выполнить привычное дело курильщика. Баловаться табачком Сахил начал давно, еще при живом батьке, лет восьми от роду. Он вспомнил как однажды отец с горящей сигаркой подошел к образам, обрамленным холщовыми полотенцами с узорчатой вышивкой, и стал молясь накланиваться, а недокуренную «козью ножку» положил на стол. Горящая ее половинка свисала и манила Сахила

3 4

своей загадочностью. Отцу же, видимо, безотлагательно надо было отстоять молебен и снять с себя какую-то душевную тяжесть, даже не докурив. Мальчишку, как магнитом, тянуло к сигарке, по его мнению, бесконтрольной. Но отец, выговаривая слова молитвы и осеняя себя крестом, продолжал отвечать поклоны, но чувство бдительности не терчал. Он искоса бросал взгляд в сторону непослушного сынишки.

Сахил, дулучив момент, дотянулся до горящего окурка, неопытно затянулся и... обжег губы. Тихонько ойкнув, бросил сигарку на пол и скрылся за лавкой.

Отец благочинно закончив молитву, выволок забившего в угол Сахила и, как говорится, дал ему хорошенько «прикурить». Давно это было, в далеком детстве. Сахил уронил кiset, начал шарить в темноте и разыкался - наверно самогон был некачественным. И тут же глаза уперлись во что-то огромное, лохматое и черное. -Никак черт! Ну точно, черт, словно из гоголевской сказки.

А видение скакало на задних ногах, кривлялось, хлопало ушами, виляло хвостиком.

На душе как-то стало неприятно, даже жутковато. Не веривший ни в черта, ни в суеверия, мужик все же перекрестился: свят, свят, свят. Но видение не исчезало. Тогда Сахил крепко зажмурился, громко выругался, замахал руками. Видение в образе черта опустилось на четыре ноги и злобно поскуливая, начало обнюхивать припозднившего прохожего.

А чтоб тебя...-засмеялся Сахил.-Тьфу, нечистая, пошла вон! Сахил, так и не закурив, тихо открыл калитку.

В доме темно, все спали. Его познабливало, гошнило, кружилась голова. Присел за стол, стоящий у

плиты, задремал, уронив голову в наполненную какой-то жидкостью тарелку. От большой русской печи исходил теплый дух, и Сахил плотнее прижался к ее горячим кирпичикам. Его по прежнему знобило, и он пьяный, мало соображая, опустил голову на плиту, а потом, съжившись в комочек, лег животом на теплую ее поверхность. Как будто бы верхняя часть туловища начала согреваться, а ноги предательски мерзли и Сахил по инерции, в глубокой дреме, полез дальше. Вскоре его голова оказалась в чреве русской печи. Но ведь и этого мало. Душа требовала не только тепла, но и комфорта. И он безрассудно, инстинктивно втискивался

вперед, как слепой котенок к груди матери, ища тепла и уюта. И вот он уже всем туловищем лежит в русской теплой печи, разогревшись, распарившись и распластавшись, насколько хватило места. Спал тихо, похрапывая.

В хлеве за стеною прокричал петух, будя трудовое крестьянство. Пора вставать, дел в-о-он сколько, - думала, проснувшись Аксинья.

Протянула руку-Сахила рядом не было.

«Где же его носит, нечистая, целую ночьку? Поди опять чего нибудь отмечают».

А в это время распарившего Сахила потянуло на двор. Он повел глазами-темно, как в подвале. Лежа на

животе, мужик попытался подняться, и тут-же голова его уперлась во что-то твердое. Быстро перевернулся, пошарил руками-всюду какая-то непонятная стена, площадь сильно ограничена.

Ужаснулся и сильно выругался. Где он, что с ним? И давай плечами давить на стенки и потолок-ни встать, ни сесть.

Это в каком же теплом ящике его закрыли? И кто? Зачем?. Он пытался сообразить, где был вчера, что делал. И вдруг его как током пронзило, аж под лопатками вспотело: похоронили человека заживо!

С остервенением Сахил забарабанил кулаками в стенку.» Точно гроб! Забили гвоздями, засыпали землей, поэтому и

удары такие гудкие, рассыпчатые». Да-да, я в могиле! А может, меня замуровали-вон кирпичики прощупываются». И Сахил со слезами на глазах закричал во всю мощь легких-громко, яростно, гневно, забарабанил кулаками в стену.

В доме поднялся переполох. Жена Аксинья, дети, бабка Маланья выбежали на кухню. А в потемках ничего не видно. Только из под земли слышится дикий голос Сахила:»Люди добрые, да где вы? Помогите!»-Манька, - кричит Аксинья, - беги скорей за ружьем, добьем гада, что давит батьку. Господи, да куда ж спички запропастились?

Наконец, раздули огонь, притащили ружье. Манька крепко держала ствол в руках, готовая выстрелить в любую минуту. А мать с вальком к ружьям, которым катают белье для проглаживания, настороженно подходит к печке. При свете незаказистой пятилинейной лампы они увидели торчащие из печи мужские ноги. Сахил наконец, очухался от дурманящей сивухи и собравшись с мыслями разглядел свой гроб-могилу. Только никак не мог понять, каким образом оказался в русской печи. Манька, дочь Сахила, здоровенная девка килограммов по семьдесят, уперлась ступнями в стенку печи и

дернула, напрягшись отца за ноги. Сапоги сползли. Потом уже присемейной помощи вытащили самого хозяина, протрезвевшего, изрядно испачканного в золе. Не успел Сахил очухаться, как на него с вопросами навалилась женушка. - Как же это ты, дорогой муженек, в русскую печь попал? Уж не с бабой ли ягой ноченьку коротал?

- Говори, окаянный, что с тобой стряслось?

- Да, ладно, мать, сам не знаю, как в печь залез. Испугался я уж шибко, когда проснулся, думал, все.

Богу душу отдал, пропал мужик не за что, ни про что.

- Поди, вчера бутыль самогону засадили на двоих? - И Аксинья стгоряча огрела мужа по затылку валиком. Сахил, накинув на плечи старенький кожушок, выполз на двор, дочь уединилась в своей комнатенке, Аксинья присела у печки, шмыгнув носом, утирая глаза фартуком, и жалилась на свою горькую судьбу. - И почему ей попался такой непутевый муженек?

Бронислав Колесов.

Переполах.

Набежала осень. Обнажился лес. Его прозрачность напоминала тюлевые шторы. На убранных полях заканчивалась молотба хлеба. Над болотами и озерами слышались крики водоплавающей птицы. Они, поводя хороводы над родными полями, косяками улетали в теплые страны. Ну, а деревня жила своей жизнью: успехи труда, горести и радости и, конечно же - разгульная молодость. стоял субботний

1 2

вечер. Маняша, помывшись в баньке, поужинала, а потом, покрутившись перед зеркалом, пошла на вечерку. - Не шастай долго, смотри! - кричит мать.

Ночь надвигалась темная. Наплывали рваные тучи. На небе терялись звезды. Подуло ветерком, и заморосил мелкий осенний дождик.

В это время Маня с Ваней стояли, прижавшись к стенке стайки. Но дождик помешал намиловаться, и они шмыгнули в ее

3 4

нутро. Темно, ни зги не видно. Но маня в сарае все знала наизусть и могла перемещаться без фонаря. - Сюда, сюда, Ваня, - шепнула она. - Иди за мной.

У самых дверей тяжело вздыхала корова. На насесте грудно разговаривал петух, близость которого Ваня ощущал правым ухом.

В сенях стукнула дверь. На крыльцо вышла мать с тускло горящей керосиновой лампой доить корову. На локтевом ее сгибе висел подойник, на плече-

полотеньшко для протирания вымени. При появлении хозяйки натренированная режимом корова встала на ноги, по-коровьи глубоко вздохнула. Мать повесила фонарь на гвоздик, много лет державший свое светило, поставила скамеечку, помыла вымя, приговаривая ласково: - Стой,

Буренушка, стой. милая. Струйки молока звонко зазвенели по пустому дну подойника. Влюбленные

стояли почти не дыша. Но Маня знала, что взор матери при слабом свете фонаря недотягивает в дальние углы стайки.

-Давай присядем,-шепчет она Ване. И тот, неуклюже повернувшись, задел плечом видимо плохо приспособленный насест. Куринное стадо грохнулось на пол. Раскричался петух, начался невообразимый переполох. Мать бросила дойку, прислушалась к

тревожному крику птицы, сняла с гвоздя фонарь и покрутила им в разные стороны для обозрения. Потом закрыла стайку и ушла в хату.

-Дед, к нам кто-то залез в сарай. Надо бы проверить. Время беспокойное. Ворюшек развелось много. И Ефим зарядив двухстволку двенадцатого калибра крупной картечью, вышел на крыльцо. На улице темень. Тишина. Он зорко всматривался и

прислушивался. стоял недолго. В стайке открылась дверь. Он это чувствовал по легкому длинному скрипу несмазанных шарниров. Замаячили человеческие тени. За ними потянулась корова.

-Стой, стрелять буду!-крикнул Ефим и выстрелил в воздух. Эхо покатилося в глубь леса. Тени уже бежали, драпанула и корова, исчезнув в потемках. Увели все же,-проговорил Ефим вышедшей с фонарем матери. Они

ходили, просвечивая задворки.

-Куда пойдешь в лес в такую темень?-И все же пошел, держа ружье наизготовке.

В лесу влюбленные сразу же потеряли друг друга. А кричать нельзя. И они пошли всяк своей дорогой.

Когда бежали вместе, маня заметила, что Ваня захромал. Она даже не успела его спросить, уж не ранен ли он выстрелом? Сердце заныло: Маня заплакала, мучаясь

неизвестностью. Потихоньку, шаг за шагом, двигалась домой. Вскоре увидела возле своей усадьбы свет фонаря. Вышла на свою улицу.

-Мама, а ты что ходишь с фонарем по задворкам?

-Корову нашу увели, украли, доченька, - сказала и заплакала. - Отец с ружьем пошел по лесу. Да что толку - ночь - то беспросветная. - Живот что-то разболелся, - пожаловалась она матери. - Пойду в баню, постираю белье и помоюсь. - Иди, доченька, я

тоже иду домой. - Она подошла к стайке. Двери ее были открыты настежь. Посветила фонарем. Корова лежала на своем привычном месте.

-Надо же, пришла, милая, - проговорила мать и кругом осмотрела ее. Ни на рогах, ни на шее веревки не было.

-Ну и слава Богу, что все обошлось хорошо.

А Маня, стирая свое белье, плакала, беспокоилась за Ваню и жалела, что не могли они ничего придумать более разумного для свидания, кроме стайки.

Маня не решилась говорить матери истинную правду. Узнает отец - издерет кнутом.

Ночь спала плохо. Беспокоилась о здоровье Ивана. А вдруг он ранен? Потребуется медицинская помощь, подключится милиция. Пойдут дознания, а по деревне суды-пересуды. Утром нашла срочное задание уйти из дому - повидать своего любимого.

А Иван, сделав брату ходули, решил их испробовать

сам. Встал на них с забора и уже шел по деревне саженными шагами. Маня его не сразу узнала. Он улыбался ей широко, словно луна в полнолунии.

Бирюсинская
новь-сентябрь
2003 года

1

СПУСТЯ ГОДЫ.

Он не ршился в позднюю ночь беспокоить семью лучшего друга. Тихо брел на железнодорожный вокзал, что светился неподалеку яркими огнями, чтобы там прикрыть глаза и передохнуть.

Да разве сейчас уснешь-думал он. А в глазах темные круги и кружится голова, что он безошибочно относил к пошатнувшемуся здоровью. Даже забыл, когда сглотнул в последний раз пищу. Томила только жажда, он много пил, припадая к посудине сухими губами. Нервное напряжение, измотанные силы. Вместе со спасателями под развалинами дома он искал свою семью. Как только сел на диван, сознание стало выхватывать набежавшей дремой видения изреальной жизни. Вздрагивал, открывал глаза и смотрел на наручные часы, как будто спеша к злополучным развалинам... Проснулся от толчка в плечо: «Гражданин, покажите документы». В проеме вокзального окна, на фоне утреннего, светящегося

2

неба стоял сотрудник милиции. Трупы жены, малолеток-сына и дочери на третий день извлекли из под обломков разрушенного здания. После похорон он каждый день приходил на кладбище и по долгу сидел у родных могил, разговаривая сам с собой, обращаясь к портретам на могильных памятниках. Много людей приходило на кладбище, чтобы еще и еще раз обмыть своими слезами родных и близких, нежданно и негаданно ушедших в мир иной, даже малюток, после обрезанной пуповины едва хвативших воздуха. Всюду слышались рыдания. Спустя годы, когда все притупилось, притраивалось, как историческая летопись времен, он бывал у этих могил два раза в год: в родительский день и в день скорбной памяти. Сегодня он шел с кладбища через березовую рощу, в сторону дуга, но мужски глотая слезы, держа в руке сломанную веточку с распустившимися листочками. Под ногами мягко шуршала прошлогодняя трава, зеленела и молодая, впутываясь в первые весенние цветы.

3

Они его не радовали-напоминали о первой и самой счастливой весне с Машей. Вспомнил юношескую робость, когда поравнялся с двумя березками, одну из них он держал рукою «за талию» и думал, с чего начать, как сказать Маше, как сделать ей предложение. Понимал лишь только одно; любовь его либо слепа, либо настолько очевидна, что оней надо сказать немедленно-иначе улетит как сказочный сон. Да, да! Он должен сказать ей об этом сейчас, завтра может быть поздно. Маша, идущая рядом, обошла кругом другую березку, соседнюю. Остановившись, прижалась головой «королевы» к бело-конопату, услышав свое имя. Маша, повторил онеце раз в задумчивости. -Я не был в школе отличником. Не был и плохим учеником. Русский язык и литературу любил. И хотя далек своими талантами от гениев литературы, а потому не могу тебе сказать тебе шибко красивых слов, не могу стих сочинить в твою честь, думаю ты меня поймешь и простишь за чурбанистую неотесанность.

4

У Маши глаза сделались серьезными. Слежка вздрагивали длинные ресницы. Она внимательно сосредоточилась на его словах.
-Не смейся надо мною, если скажу не так,-продолжил он. И тут же запнулся, перебитый словами Маши;
-Да что ты говоришь-обиженно.-За что же над тобой смеяться?
-Да я в другом смысле хочу тебе сказать!
-Так говори, что у тебя за смысл?!
-Люблю я тебя! Выходи за меня замуж!
Они оба затаили дыхание. Показалось, что в лесу стало еще тише. Птицы перестали петь, словно прислушивались. А что же еще скажет влюбленный жених своей невесте?
И Маша, воодушевленная радостью, стоящая рядом, сделала к нему шаг, встала на цыпочки, вытянула шею и поцеловала его в губы, чего никогда не было прежде. Чем принесла ему еще большее смущение и замешательство. опомнившийся жених рассеянно проговорил:
-Не понял!
-Чего не понял?-спросила невеста.

5

Почему не отвечаешь на мой вопрос?

-Я же тебе ответила,-и поцеловала его повторно,а сама закрыла ладонями лицо,пылавшее красной розой.Под ее кофточкой трепетно билось сердце.Подобное творилось и с женихом:он стоял с раскрытым ртом,выражающим радостное удивление происходящей действительностью.Все теперь было понятно,до самой ясности.

-Ты только рот закрой,Ваня.А то выглядишь,как в смешной сказке,-щутила Маша,чему они долго смеялись.Он потряс головою,как застоявшаяся на привязи лошадь,отмахнулся рукою.пригляделся к березкам еще раз и подумал:»Да лучше бы не было того дня,чем случиться такой беде!»И тут же поправил себя:»Как знать,какой день лучше,какой хуже?Ведь они не мечены!»И шел обдумывая свою жизнь,в которую вступалась пустота с потерей жизненного смысла.Расступился лес.Над большой равниной повисло закатное солнце,под которым стояли синие горы с белеющими снежными вершинами.А над головою в тихом голубом небе остановились белые барашки облаков с трелью

6

одинокого жаворонка.А цвеев то сколько!Хоть косою коси.Остановившись у муравейника,пикоснулся ладонью к мягкому их жилью и обнюхал ее,обрызганную приятным муравьиным спиртом.Потом присел на корточки и долго любовался трудолюбивыми мурашами,сравнивая их с российским народом,который строил города,фабрики,заводы,возводил новостройки,разрабатывал целину.А сейчас что стало с тобою,Россия?Словно кто-то мимо проходивший ступил на тебя огромною стопою,как бы на этот муравейник,и не стало той России.Учили республики,не прочны контакты,разрушен жизненный фундамент-криминал,терроризм,горе,слезы...А ведь любил и любит тебя российский народ .За что?За твои просторы,за росистые зорьки,по которым я ходил на глухариное токование,за ту жизнь ,которая была и непременно будет.

7

Ты- извечная земля наших предков,возделанная сохою.
Тебя только надо уберечь,и ты дашь всходы радости и счастья!
Не любить тебя невозможно.

Ты близка душе каждой травинкой,каждой веточкой,каждым листочком.
Ты РОДИНА,а РОДИНУ всегда любят,обустривают,защищают.

БРОНИСЛАВ КОЛЕСОВ
п.Юрты

перепечатано из газеты «Бирюсинская новь»

Трофимыч.

В красивом месте, в нетронутой Присяянской тайге расположилась поисковая геологическая партия. Построили для жилья бараки и все бытовые и производственные помещения. А какая там чудесная природа! Один воздух чего стоит: пропитанный хвойными лесами, целебно обогащает легкие и с бодростью прогоняет кровь по всему телу. А рыбалка с охотой? Да что говорить! Здесь рай! Кто побывал в этих местах хоть один разок, всю жизнь будет о них вспоминать и рассказывать другим. Люди здесь сошлись характерами. А как работают?! Похвально! Ударно! А прчая жизнь здесь, как и везде, по-разному. Когда-как. Но не так уж и плохо. А иногда даже весело. Завхоз партии Трофимыч-личность

неординарная. Непрочь выпить шкалик, другой. Конечно, в зависимости от обстоятельств. Но здесь тайга-магазинов нет. И особенно он тоскует, когда все уходит на работу. Его взгляд упал на новые болотные резиновые сапоги, собственные, подвешенные им про запас на сучок стройной березы. Кто-то, может, подумает: висят, ну и пусть висят. Придет время-наденут. А Трофимыч рассуждал по другому, глядя на них. Сожалел, что в его хозяйстве нет вместительной посуды для производства браги. Снял один сапог с сучка, обнюхал его внутренность через жерло голяшки, отдающую запахом настоявшейся резины и подумал: «Подойдет, Попробую». И поставил для анализа целое ведро

браги в удивительной посудине, закрыв голяшку поплотнее. Остался доволен. Повесил сапог на сучок рядом с резиновым братом. Каждый день поворачивал его к солнышку. Тепло и внимание к себе все любят. Солнышко вращается вокруг земли, обогревает сапог с брагой. Мужики говорят: - Трофимыч, убери сапоги! Резина на солнце портится! А он: - Наука без жертв не бывает! Вон государство миллиардами рискует. А сапог в нашем деле того стоит! - Ну и шутник Трофимыч, улыбались мужики, не подозревая в его словах истинной правды. Пришло время. Брага опробована. Трофимыч то и дело утирал и разглаживал усы в довольной улыбке. И вот полдень желанного выходного дня. Солнышко улыбалось земле и ее обитателям. Трофимыч, в одних

трусах, загорелый до цвета неухоженного чугуна, пригласил мужиков к столу для проведения эксперимента. Мужики повылазили из своих укрытий от жгучего солнца и видят на обеденном столе одиноко стоящий болотный резиновый сапог. Кричат: - А почему твой сапог на столе? - Так ведь сегодня день эксперимента! Машенька, дай нам чего-нибудь закусить. Мужики пили брагу и нахваливали; - Хороша! - Что верно, то верно-хороша! - утверждал Трофимыч. Мне для эксперимента потребовался всего один десятилитровый сапог. И что главное в нем-качество: голова не болит, душе хорошо и желудочно-кишечный тракт работает с активной усвояемостью, удаляя естественный балласт. Здесь, видимо происходит сложная молекулярная реакция по

изыманию вредных синюшных веществ,заложенных в сапожной резине.А мужики все советовали:-Ты Трофимыч не стесняйся,продолжай эксперимент,а убытки мы тебе возместим сполна,хоть сейчас!Для такого анализа ничего не жалко!И индигренты предоставим,и резиновые сапоги купим,от каждого мужика по паре.Однако Трофимычу,как бы ему этого не хотелось,все же пришлось мужиков пожурить,сбросить с них взыгравшую спесь,показать и сказать,что такой сапог не выдерживает по своим качествам бурной реакции эксперимента.Он сбросил с ноги кирзовый сапог и её,босу,сунул в резиновый.Пошевелил ею туда-сюда,и пальцы его ноги вылезли наружу.А когда шагнул-голяшки отвалились.И Трофимыч крикнул:-Не стоит овчинка

выделки!И мужики в истерике взревели,опасаясь за свое здоровье и жизнь.У них у всех,как у одного,разболелись животы или по этой,или по другой причине.Они бежали из-под тена,тесня друг – друга,ругая экспериментатора.А тот кричал им вслед:-Мужики,без паники,не бывает науки без жертв,но только не от резинового сапога.Я вот один три дня тому назад выпил целый сапог браги,десять литров,и то живу!..Только вот одна беда:до сих пор еле успеваю добежать до отхожего места.Но зато пургена не требуется!!!

Бирюсинская новь-14 октября 2005 года.

Бронислав Колесов.

ЮНОСТЬ

Что может быть прекраснее леса,зеленых лугов,цветущей черемухи и голубого неба,опрокинутого в темные глаза озер с длинными ресницами лозняка?Неподвижно стоит ароматно-медовый запах,упоительная тишина,умиротворение располагает к сладострастному мечтанию и раздумью.А над раздольем лугов и полей,словно на равнинах,поднимаются в девичьих голосах печальные мелодии песен.Они-зовут твою молодость,и ты уходишь за ними в неведомые дали.Здесь легко слагаются стихи и пишутся песни.Здесь были первые его свидания,вкус робкого поцелуя и первые впечатления о чистой любви.Она была во всем своем девичьем великолепии и благородном величии той красавицы,о которых говорят только в сказках:за плечами-русая коса,опустившая на белую кофточку,голубые глаза,в которых угадывалась внутренняя грусть,зовущая в луга весенних

цветов.Была настолько прекрасна и мила в своем юном совершенстве,что невольно сравнивалась с еще нетронутыми полевыми цветами.Он был у них дома в маленькой хатке с новорожденно-голубым убранством,что было естественно для российского села того времени.Молодость,как ты хороша в расцвете своей весны и сил.но как порою бурны и неосмотрительно горячи до ожога твои помыслы и поступки.Она»гульнула»с другим мужчиной.А может инет?Как знать?Но именно такие слухи коснулись чутких струн его души,которые напевали печальную песню ревности,чтобы навсегда разрушить их гармонию.Он переживал разрыв,не потребовав даже объяснения.Не пошел на свидание сней.А мсможет и объяснять то было нечего?Может ничего подобного и не было?Однако сомнения точили сердце,и решения его были конкретны ,категоричны.Но ушли годы-ушло время.»Она конечно замужем,-думал он,-семья,дети.Не стоит ворошить прошлое,несбывшееся».Однако вопреки всему приходил на озеро в цветении черемухи и вспоминал счастливое время своей юности.